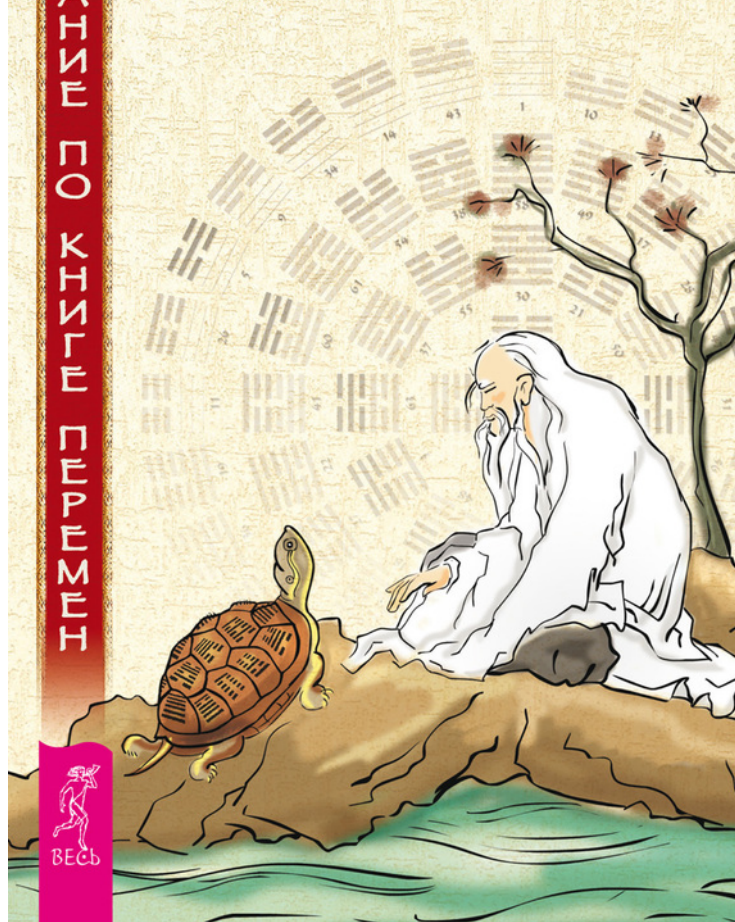

ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ ПЕРЕМЕН

БУДУЩЕЕ

Павел Бондаровский

В ТРИ СЧЁТА

Павел Бондаровский

**Будущее в три счета.
Гадание по Книге перемен**

ИГ "Весь"

УДК 291.32
ББК 86.39

Бондаровский П.

Будущее в три счета. Гадание по Книге перемен /
П. Бондаровский — ИГ "Весь",

Каждая древняя цивилизация стремилась создать стройную и понятную систему знаний, объясняющую законы, по которым существует окружающий мир. В Древнем Китае такую роль играла «И-Цзин» – «Книга перемен», оказавшая значительное влияние на развитие философии, математики, теории живописи и музыки и других областей культуры. Хроники свидетельствуют, что первый, фундаментальный слой текста «И-Цзин» существовал в законченном виде и был достаточно широко распространен уже в VIII–VII веках до н. э. С самого момента возникновения «Книгу перемен» использовали для прорицания будущего. В процессе гадания по «И-Цзин» исходили из того, что каждая гексаграмма (сочетание линий) символизирует ту или иную жизненную ситуацию, которая разворачивается во времени, а каждый афоризм при гексаграмме вкратце характеризует определенный этап в развитии данной ситуации. Гадали о «судьбе молодого сына» и «о служебной карьере», об успехе военного похода и о браке дочери, о «стратегическом плане в трудном бою» и о личном. В книге Павла Бондаровского вы найдете описание структуры «Книги перемен», познакомитесь с принципами анализа гексаграмм и их толкованиями. То есть узнаете все необходимое для того, чтобы использовать «И-Цзин» для принятия трудных решений и предсказания судьбы.

УДК 291.32
ББК 86.39

© Бондаровский П.
© ИГ "Весь"

Содержание

Предисловие	7
О книге перемен	9
Истоки	10
Принципы	12
Параллели	15
Ассоциации	17
Мудрость	20
Гадание	22
Практические советы	25
Гексаграммы	27
1. Цянь/Творчество	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

П. Бондаровский

Будущее в три счета.

Гадание по Книге перемен

* * *

Дизайн обложки *И. В. Орловой*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

*Символ дао – всеобщего закона Вселенной... Готовые перейти одна в другую, равные, вечно враждующие и неотделимые космические силы **ян** (белая) и **инь** (черная). Белая точка на черной половине и черная на белой – признаки их неперемного взаимопроникновения...*

До чего же все-таки силен в нас человеческий шовинизм! Все-то мы знаем лучше Природы, как будто не мы у нее в долгу, а она у нас; как будто не мы от нее, а она от нас не ждет милостей и берет, и берет у нас. Мы же мстим ей за это высокомерным презрением, приспособливаем ее то так, то этак к нашим вечно меняющимся прихотям. Нам почему-то стыдно вспоминать, что мы – *homo sapiens*, стыдно признавать, что в мозгу у нас какое-то слишком уж серое, на наш просвещенный взгляд, вещество, стыдно обнаруживать свою в общем-то понятную неспособность окинуть разумом бескрайность Вселенной и осознать бесконечную делимость элементарных частиц...

«Человек может все!» О значении двух из трех слов этого расхожего выражения мы имеем лишь очень смутное представление, толком не зная ни что такое «человек», ни что такое «все». Вернее было бы сказать, что человек может всякое: разгадывать тайны вращения небесных тел и выдумывать изощренные пытки для ни в чем не повинных людей; совершать головокружительные открытия в области науки, техники, медицины и держать их в тайне от большинства населения планеты; побеждать в жесточайших войнах и писать политические доносы на соседа, чья коза забрела в чужой огород... В этом смысле *homo sapiens* действительно «всемогущ». Но что бы он о себе ни воображал, есть в его царственной позиции одно крайне уязвимое место: он не знает самого главного о себе – своего далекого прошлого, и самого важного для себя – своего будущего. Он не знает, откуда взялся и куда держит путь. Однако некому упрекнуть человека в этом незнании, и он переживает его со спокойной душой.

Древние к подобным вопросам были менее равнодушны. Может быть, потому, что еще не отделяли себя от остальной Природы столь решительно и бессовестно, как это делаем мы. (Кстати, мы поступаем так и по отношению к нашим далеким предкам, жившим каких-нибудь десять, пятнадцать, двадцать веков назад, отводя им место где-то на уровне «братьев меньших»... Опять шовинизм, в данном случае хронологический.) Предки общались с Природой на равных, как члены одной семьи, где царили уважение и доверие и где при этом Природа была старейшиной. К ее слову прислушивались, с ее законами считались, у нее учились. И тайны свои она открывала тогда гораздо охотнее.

Мы привыкли гордиться своими учеными, академиками, нобелевскими лауреатами. Но если вдуматься, не в частностях ли они преуспели? Разве главные, основные, вселенских масштабов открытия и поистине жизненно важные изобретения не были сделаны много раньше, в туманные годы зари Истории? Без приборов и лабораторий, не располагая и крошечной долей тех знаний, какими располагаем мы, наши далекие предки безошибочно формулировали всеобщие законы, краеугольные физические и математические поня-

тия, снисходительно именуемые сегодня «элементарными». Они оставили нам множество памятников-загадок, которые мы не в силах разгадать даже с помощью компьютерной техники. Они были первопроходцами философской, этической, эстетической мысли, еще не зная бумаги и имея значительно меньше материала для обобщений, чем мы, творили вечные эталоны. Они с успехом лечили людей без лекарств и делали сложнейшие даже по современным понятиям операции, вплоть до нейрохирургических...

Список можно продолжить, но едва ли кто-либо способен привести его весь. Ведь так много утеряно, подчас безвозвратно, а то, что дошло до нас в целости и сохранности, что известно сегодня о древних цивилизациях, – не более чем верхушка айсберга, чья основная часть покоится в недоступных глубинах тысячелетий и тает в них, растворяясь навеки.

Да, они многое знали, наши древние предки, многое поняли значительно раньше, а порой и лучше нас, многое предвосхитили, но никак не предполагали, что настанет время, когда техника, созданная человеком, окажется в состоянии соперничать с силами самой планеты; что прогресс этой техники к XXI веку станет более бурным, чем прогресс в понимании человеком Природы; что слабость перед соблазном сделать что-то лишь потому, что это возможно сделать, станет разрушительной силой; что на «высшей стадии эволюции» угрожать человеку будет горе не от ума, а от недоумия.

Конечно, три-четыре тысячи лет назад представить подобное было трудно. Представлений в те времена вообще бытовало меньше. Зато все они были яснее и недвусмысленнее и всегда поверялись одновременно по двум пробным камням, камням-силам – вечно враждующим и навеки неразделимым – добра и зла. Это гораздо позднее мы решили, будто их можно только противопоставлять, а древние рассуждали иначе: не «или – или», а «и – и»; не свет или тьма, а и свет, и тьма; не постоянство или перемены, а и постоянство, и перемены.

Книгу, рассказу о которой автор счел необходимым предпослать столь пространное и, на первый взгляд, отвлеченное предисловие, древние и назвали: «Книга перемен». Они бережно пронесли ее сквозь десятки веков, сохранили от гибели в вихрях стихий и пожаров войн, стремясь передать нам в целости первозданную мудрость, первозданное понимание мира, жизни и человека. А мы, похоже, оказались неподготовленными, не оправдали доверия, ибо все еще не в силах разгадать полный смысл и значение этой, быть может, самой великой загадки, когда-либо задававшейся людям людьми, загадки, имя которой «И-Цзин» – китайская классическая «Книга перемен».

Познакомимся с ней и посмотрим, сравним, далеко ли наш разум увел нас путями познания за последние три с лишним тысячи лет. И не заблудились ли мы...

О книге перемен

Истоки

...И вот люди в юности начинали изучать эту книгу, но и с побелевшей головой не достигали ее истоков...

Су Сюнь (1009–1066) «Рассуждение о „Книге перемен“»

Во времена, когда еще не существовало ни мифов как таковых, ни официальных религий, три-пять тысячелетий тому назад, взгляды на строение Вселенной у народов, населявших бассейн реки Хуанхэ, были достаточно твердыми, хоть и парадоксальными. Небо им представлялось бескрайним и одновременно круглым, земля – квадратной, но тоже бескрайней. А в центре Земли, и, по-видимому, под центром неба, располагался Китай, который тогда называли Срединной, или Поднебесной, страной.

Твердость воззрений распространялась у древних китайцев и на далекое прошлое, когда ни неба, ни земли еще не было, а был, как они полагали, хаос, нечто вроде туманности, в которой плавали мириады мельчайших частиц *ци*. Среди этих частиц были легкие, светлые (*ян*), постепенно поднимавшиеся, и тяжелые, темные (*инь*), медленно опускавшиеся. Таким вот образом разделившись, первые образовали небо, вторые – землю. Упрощенное, схематичное, примитивное – какое угодно, но в основе своей мало чем отличающееся от сегодняшнего – представление о процессах, происходивших на месте нашей Солнечной системы в невообразимые времена и завершившихся ее формированием в нынешнем виде около пяти миллиардов лет назад.

После того как небо и земля оказались на своих местах, из различных комбинаций тех же частиц *ян* и *инь*, из взаимодействия темного и светлого, женского и мужского начал возникло все живое и неживое, возникли природа и ее явления, движение и покой, тепло и холод, добро и зло. Все было естественно, необходимо, разбросанно и едино, как та изначальная туманность. Одно вытекало из другого, сливалось с другим, свет мог быть тьмой, а добро злом и наоборот – в зависимости от времени и ситуации. Причем все это происходило как в окружающей человека Природе, так и в природе самого человека, как во внешней, так и во внутренней его жизни.

Однако найти объяснение чему-либо еще не значит познать его. Стихийность, непредсказуемость явлений, поступков, соотношений различных сил вызывали у человека естественное стремление уловить хоть какую-то закономерность, которую можно было бы уложить в стройную и понятную систему. Это было для него поистине жизненно важно. И, как нам сегодня известно, такие системы в разное время появлялись и становились «официальными», признанными во всех без исключения древних цивилизациях – шумерской, египетской, индийской, греческой... Возникла подобная система и в древнем Китае. Роль ее сыграла «Книга перемен».

Хроники свидетельствуют, что первый, фундаментальный слой ее текста существовал в законченном виде и был достаточно широко распространен уже в VIII–VII веках до н. э., создание же его началось значительно раньше. Впоследствии к первому слою добавились второй и третий, в целом составившие так называемый основной текст «И-Цзин». Кроме того, в книгу входят «десять крыльев» – десять комментариев к основному тексту, написанных разными авторами в течение V–III веков до н. э.

«„Книга перемен“, – писал один из самых авторитетных советских исследователей-и-цзинистов Юлиан Константинович Щуцкий (1897–1938), – имеет все права на первое место в китайской классической литературе – так велико ее значение в развитии духовной культуры Китая. Она оказывала свое влияние в самых разных областях: и в философии, и в математике, и в политике, и в стратегии, и в теории живописи и музыки, и в самом искус-

стве...» Эта характеристика «И-Цзин» написана ученым в 1937 году. Сегодня у него были бы все основания дополнить список областей, где сыграла свою роль «Книга перемен», множеством других. Но заметил бы он и то, как мало продвинулись мы за минувшие десятилетия в понимании этого удивительно необычного памятника.

Так или иначе, вполне современно и в наши дни звучит точка зрения на «И-Цзин» и проблемы его изучения, высказанная выдающимся китайским философом Чэн Ичуанем (1033–1107): *«Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений. Да, можно сказать, что совершенно-мудрые авторы ее достигли наивысшего в своих заботах о последующих поколениях. Хотя мы уже далеки от тех древних времен, но до нас еще сохранились заветные ими основные тексты. Однако толкователи прежних времен утратили их смысл и передали лишь слова, а их последователи только произносят эти слова и забывают об их сути... Я, живущий на тысячелетие позже, боюсь, что такое писание померкнет и исчезнет, и я хотел бы, чтобы люди будущих времен по этому течению возшли к его истокам...»*

Обращение Чэн Ичуаня было услышано. «И-Цзин» продолжали исследовать не только в Китае; с течением веков он привлекал все большее внимание и в других странах как памятник культуры и мысли поистине мирового, общечеловеческого значения.

«Я в свою очередь изучил эту книгу, – писал один из крупнейших философов старой Японии Ито Тогай (1670–1736), – и вижу, что она совмещает в себе оба принципа – как мантику, так и философию. Но главное в ней – это понятия чувства и любви».

Ито Тогай не успел издать свой труд об «И-Цзин», это сделал его сын Ито Дзэнсё, тоже ставший ученым. В предисловии к книге отца он так выразил собственное отношение к «И-Цзин»: *«По этой теории, избегая переразвития, живя в самоограничении и бдительно наблюдая за правильностью своих отношений с людьми и своего положения среди них, при напряженной работе над собой в этих направлениях, можно достичь совершенства. Работая во благо, действовать по мере сил, но не различать возможности и невозможности данной временной ситуации; а желая осуществить благое вопреки создавшимся условиям, не только нельзя подчиняться им, но даже надо разрушить эти условия. Вот чему учит „Книга перемен“. Если же говорить, что она поучает стремиться к выгодному и избегать вредного, то это поверхностное суждение».*

Оставим без комментария мнение Ито Дзэнсё о том, чему учит «И-Цзин». Кое-какие сравнения у читателя все равно возникли сами собой. А обратим внимание на употребленное Ито Тогаем слово «мантика», означающее в переводе с греческого «искусство прорицания», или же проще – гадание. Но прежде чем перейти к рассказу о собственно гадании по «Книге перемен» и чтобы лучше понять его современную технику, вернемся к самым истокам «И-Цзин» – ко временам, когда прорицатели в древнем Китае предсказывали людям судьбу по трещинам на панцире черепахи и по узорам на листьях тысячелистника.

Принципы

Многие считают, что мифы – это плод человеческой фантазии, не имеющий ничего общего с действительностью. Это глубокое заблуждение.

Юань Кэ «Мифы древнего Китая»

В древнекитайской мифологии, как, впрочем, и в любой другой, немало загадочных персонажей, чье реальное существование трудно, если не невозможно, подтвердить достоверными историческими документами. Причем проблема эта стала значительно сложнее, «благодаря» целенаправленным усилиям выдающегося мыслителя древнего Китая Кунцзы, известного в европейской литературе под именем Конфуций (551–479 гг. до н. э.), а также его учеников.

Стремясь привести мифологические предания в соответствие с догматами своего учения, конфуцианцы отбрасывали в них все сверхъестественное, «божественное» и находили – или изобретали – рациональное объяснение для каждого легендарного события или явления. Таким образом мифы становились частью традиционной истории. Их уже не передавали из уст в уста, а полностью доверяли лишь вариантам, которые были записаны конфуцианцами на бамбуковых дощечках, варианты же эти значительно искажали первоначальный смысл мифов.

Не избежал конфуцианской историзации и легендарный правитель Фу Си, пребывавший у власти, как принято считать, с 2852 по 2737 год до н. э. К тому, сколь много невероятного и полезного сумел он сделать за 115 (!) лет своего правления, мы еще вернемся, пока же самое главное для нас – что именно Фу Си все известные источники приписывают изобретение так называемых *ба гуа* – восьми гадательных триграмм, впоследствии развитых в гексаграммы, которые и явились основой текста «Книги перемен».

По преданию, Фу Си однажды увидел, как из реки Хуанхэ выплыла на берег огромная черепаха (в некоторых источниках говорится о драконе-лошади), на спине которой были начертаны таинственные знаки, состоявшие из сплошных и прерванных посередине черт. В их сочетаниях Фу Си увидел систему символов, соответствовавших его представлениям о мироздании, где главенствовали небо и земля, из взаимодействия которых рождались все вещи и явления, живое и неживое. Символы эти Фу Си изобразил таким образом:

1) ≡ 2) ≡ 3) ≡ 4) ≡ 5) ≡ 6) ≡ 7) ≡ 8) ≡

Каждый из символов (триграмм) имел свое название, указывал на определенное свойство и выражал конкретный образ:

- 1) триграмма *цян* (творчество); свойство – крепость, образ – небо;
- 2) *дуй* (разрешение); свойство – радость, образ – водоем (озеро);
- 3) *ли* (сцепление); свойство – ясность, образ – огонь (солнце);
- 4) *чжэнь* (возбуждение); свойство – подвижность, образ – гром;
- 5) *сюнь* (утончение); свойство – проникновенность, образ – ветер (дерево);
- 6) *кань* (погружение); свойство – опасность, образ – вода;
- 7) *гэнь* (пребывание); свойство – незыблемость, образ – гора;
- 8) *кунь* (исполнение); свойство – самоотдача, образ – земля.

Кроме того, каждая отдельная триграмма символизировала время года в зависимости от движения Солнца и Луны.

Понятие сенсации едва ли существовало в столь давние времена. Однако трудно подобрать более подходящее слово, чтобы охарактеризовать эффект, который произвело появление в XXVIII веке до н. э. системы из восьми триграмм, имевшей для тогдашней науки прорицания не меньшее значение, чем для современной физики уравнение $E = mc^2$. Ведь если прежде предсказатель судьбы на свой страх и риск истолковывал узоры на панцире черепахи, принимая во внимание поворот ее шеи во время гадания и даже выражение ее глаз; если, гадая по тысячелистнику, тоже всецело полагался на интуицию и во многом решал наугад; если авторитет его целиком и полностью зависел от того, насколько часто волею случая судьба клиента складывалась именно так, как ему ее предсказывали, то отныне в руках гадателя была система, неслучайность которой подтверждалась многими периодическими явлениями природы, теми же фазами Луны, которых и по сей день различают восемь и каждая из которых по-своему влияет на все живое и неживое на Земле.

Кроме того, если верить старинному китайскому словарю «Шо-вэнь», на основании комбинаций сплошных и прерванных черт Фу Си составил первые иероглифы китайской письменности. Быть может, поэтому «Книга перемен» имела такое название уже тогда, когда книги как таковые еще не были изобретены и когда слово «цзин» переводилось как «текст», означая в данном случае лишь систему удвоенных в гексаграммы триграмм, кроме которых в «И-Цзин» первоначально ничего не было.

Итак, мы наконец подошли к основе «И-Цзин» – гексаграммам – символам, состоящим из двух *ба гуа*, двух триграмм, то есть из шести сплошных и прерванных посередине черт. Возможное число вариантов – 64.

Это уже значительно более сложная система, охватывающая и отражающая, в соответствии с теорией «Книги перемен», весь мировой процесс, все чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости, добра и зла, ситуаций, в которых оказывается и действует человек.

Принято считать, что нижняя триграмма относится к внутренней жизни, к наступающему и созидаемому, а верхняя – к внешнему миру, к отступающему и разрушающемуся.

С древних времен существует и взгляд на гексаграммы как на комбинации из трех пар черт, каждая из которых символизирует одну из трех космических потенций: верхняя – небо, средняя – человека, нижняя – землю. Уже здесь ясно видно отличие мировоззрения древних китайцев от взглядов, распространенных тогда и позднее во многих других цивилизациях, особенно европейских: человек участвует в течении жизни как равный земле и небу, как активная сила, не только зависимая, но и способная воздействовать на окружающий мир, на обстоятельства, на судьбу. В этом и главное отличие «Книги перемен» как первоначально чисто гадательного текста от всех иных гадательных систем, где человеку отводится пассивная роль, где ему предсказывается ход событий, изменить который он не в силах.

Авторитетнейший исследователь и переводчик «И-Цзин» немецкий ученый Рихард Вильгельм в своих работах, написанных в середине 1920-х годов, подчеркивал важность изучения «Книги перемен» как гадательной системы. Когда возникла первая попытка рационально объяснить то, что на ранней стадии мышления достигалось лишь в практике гадания, писал он, возник первый текст. Когда же к гадательным знакам добавились предписания, как надо поступать человеку, обращающемуся к «Книге перемен», чтобы принимать сознательное участие в осуществлении собственной судьбы, был сделан важный шаг вперед в повышении оценки роли человека как соучастника мирового процесса, а отсюда уже полшага до осознания моральной ответственности человека за этот процесс – моральной в смысле взаимоотношений человека с Природой и моральной же в смысле отношений с другими людьми и обществом.

Таким образом, с появлением основного текста «И-Цзин» гадание в древнем Китае обрело просветительский и воспитательный характер, а сама книга с течением времени становилась все более очевидным сводом морально-этических и философских принципов, причем изложенных не догматически, а в динамике, диалектике, применительно к изменчивым жизненным ситуациям.

Параллели

Я написал перевод «И-Цзин», заключающий в себе текст и приложения, в 1854 и 1855 годах; и я должен признать, что, когда рукопись была закончена, я знал очень мало об объеме и методе этой книги...

Джеймс Легг (1815–1897)

Этот эпиграф приведен здесь отнюдь не для того, чтобы запугать читателя. Шотландский и-цзинист Джеймс Легг ставил перед собой задачу исследовать всю глубину содержащихся в «Книге перемен» философских воззрений, а они оказались практически бездонными, так что досада исследователя понятна. Мы же не ставим перед собой подобную сверхзадачу, а ограничимся лишь знакомством с этой уникальной книгой, ее историей, тем, как по ней гадали в древности и как гадают сегодня, причем не только в Китае, но и во многих других странах мира.

И все же, при чем тут Джеймс Легг и его разочарование? При том, что оно типично почти для всех, кто когда-либо брался исследовать «И-Цзин». Помните – «...но и с побелевшей головой не достигали ее истоков»? Это написано в XI веке, а Джеймс Легг жил в XIX. Как будто мало что изменилось. На самом деле изменилось многое, особенно в подходе к «И-Цзин», в его квалификации. «Книгу перемен» только в европейской синологии изучали и как гадательный текст, и как философский текст, и как то и другое одновременно; видели в ней основы китайского универсизма, собрание поговорок, политическую энциклопедию, толковый словарь, фаллистическую космогонию, учебник логики, бинарную систему, тайну кубокуба; считали чудом уцелевшей за тысячелетия озорной шуткой уличного гадалы, просто ребячеством и даже откровенным бредом. В последних характеристиках отчетливо ощущается отчаяние их авторов, потративших на «борьбу» с «И-Цзин» многие, подчас лучшие, годы жизни, но так и не понявших его.

Относительно повезло Готфриду Вильгельму фон Лейбницу (1646–1716), немецкому ученому, особенно прославившемуся своими трудами по математической логике, а также по дифференциальному и интегральному исчислению. Лейбниц увлекался китайской философией, читал труды Конфуция и состоял в переписке с христианскими миссионерами в Китае. Познакомившись в конце XVII века с «Книгой перемен», он увидел в загадочном чередовании целых и прерванных черт ...числа! Правда, записанные не в обычной десятичной системе, а в двоичной, где каждое число выражается с помощью только двух знаков – ноля и единицы. Лейбниц приставил к гексаграммам их математическое выражение и неожиданно обнаружил, что символы в «И-Цзин» расположены в определенном математическом порядке. Это было настоящее открытие: выходило, что европейские математики «изобрели» то, что задолго до них, за тысячелетия, уже содержалось, лежало в основе одной из древнейших китайских книг.

Но в чем же «относительность» везения Лейбница? В том, что спустя столетия, когда двоичная система счисления уже именовалась не иначе как «языком ЭВМ», выяснилось, что Лейбниц имел дело с искаженным вариантом расположения гексаграмм, содержавшимся в одном из комментариев к «И-Цзин», и выведенные им числовые значения ошибочны.

Впрочем, метод Лейбница все же оказался плодотворным. В XX веке его применил советский исследователь Ю. А. Швырев, изучая, правда, другие аспекты «Книги перемен». Взяв за основу классическое расположение гексаграмм (мы приведем его ниже), он записал каждую с помощью единиц и нолей, а затем полученные двоичные числа перевел в десятичную систему. Теперь гексаграммам соответствовали числа от 0 до 63. Что это дало?

Массу загадочных совпадений, указывающих на неведомые пока по значению, но очевидные параллели и закономерности.

Во-первых, все числа, кратные девяти, соответствуют гексаграммам, у которых верхняя и нижняя части симметричны. Если учесть, что девятка и в Китае издревле считалась магическим числом, являвшимся одним из обозначений силы *ян* (свет, мужество, добро), то есть все основания полагать, что данные гексаграммы – главные среди прочих. Во-вторых, обнаружилась таинственная сопряженность «И-Цзин» с наблюдениями древнекитайских астрономов, фиксировавших ежесуточное положение Луны относительно звезд. Такие положения именовались «лунными станциями». Среди них была станция под названием «цзин» («колодец»). Гексаграмма с таким названием есть и в «И-Цзин». Но это бы еще ничего, если бы данная лунная станция не была 22-й по счету и если бы записанное в двоичной системе счисления математическое значение гексаграммы «цзин» не составляло ... тоже 22!

Раз уж речь зашла о совпадениях, то вот еще пример, совершенно из другой области. В 1986 году в Будапеште вышла в свет повесть венгерского писателя-фантаста Дюлы Хернади (1926–2005) «Храмы счастья». В виде приложения к ней автор привел один из современных вариантов толкования гексаграмм «И-Цзин». В тот период я подрабатывал переводами венгерской литературы и по счастливому стечению обстоятельств (таковым вряд ли стоит удивляться во всем, что связано с «Книгой перемен») вскоре после выхода книги встретился с Дюлой Хернади в Будапеште. В нашем разговоре он упомянул о совпадении, на которое обратила внимание западноевропейская исследовательница Мари-Луиз фон Франц, совпадении настолько очевидном (когда о нем узнаешь), что невольно начинаешь искать подобные совпадения во всех без исключения предметах и явлениях.

Итак, в «Книге перемен» 64 гексаграммы, обозначающих, как утверждают древние комментаторы, все основные жизненные ситуации. В то же время количество возможных вариантов кодовых «слов» в молекуле дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) – носительнице генетического кода всякого организма на Земле – тоже 64.

Но и это еще не все. Молекула ДНК, как известно, имеет форму двойной спирали, похожей на закрученную веревочную лестницу с миллионами перекладин. Так вот, полностью генетический код выстраивается за 19 витков спирали, то есть на девятнадцатый виток приходится 64-й триплет, или кодон, являющийся единицей строения кода. Здесь усматривается параллель с так называемым Метоновым циклом, лежавшим в основе древнегреческого календаря. Цикл равнялся 235 лунным месяцам и длился ровно 19 лет. Из этого совпадения Дюла Хернади вывел предположение, что виток двойной спирали ДНК соответствует солнечному году и может содержать в себе его информацию. Свою гипотезу он подтвердил фактами: в каждой живой клетке насчитывается около трех миллиардов витков молекулы ДНК – и столько же миллиардов лет тому назад на Земле возникли первые микроорганизмы. *«А что, если витки ДНК – это записи ведущегося с древнейших времен Дневника Жизни? – предположил Дюла Хернади. – И не является ли „И-Цзин“ попыткой заставить этот дневник заговорить?»*

Гипотеза, прямо скажем, неожиданная, а главное – проверить ее пока нет никакой возможности, это, видимо, дело будущего. Впрочем – не поискать ли хотя бы косвенных подтверждений в далеком прошлом? Ведь если верить французскому поэту Полью Валери, *«мы вступаем в будущее, птясь назад»!*

Ассоциации

*Общепризнанные мнения и то, что считают делом давно решенным, чаще всего заслуживают исследования.
Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799)*

Политика, логика, математика, стратегия, философия, искусство... Все эти области знаний и деятельности, как уже говорилось, имеют отношение к «И-Цзин», который, кроме того, отражает все богатство сложных жизненных ситуаций, причем в их развитии, а процесс гадания по нему носит форму увлекательной творческой игры.

О чем еще можно сказать практически то же самое? Конечно, о шахматах! Казалось бы, нам известно об этой древней игре буквально все. Впрочем, не совсем все: только относительно известно как раз самое главное – ее глубокое прошлое и обстоятельства появления.

Из книги в книгу, из статьи в статью по этому вопросу кочуют одни и те же формулировки: *«Шахматы возникли как плод народного творчества из живой потребности человека в интересной форме умственного соревнования»* (Шахматный словарь), *«в которой при первоначально равных условиях элемент „чистого случая“ не мог иметь места, а результат спора зависел только от разума и воли шахматиста»* (Я. Г. Рохлин «Мыслить и побеждать»).

И в первом и во втором случаях допущены явные неточности. Шахматы никак не могли явиться «плодом народного творчества», поскольку вначале и на протяжении веков, как, кстати, признают и названные источники, были развлечением, доступным «лишь узкому аристократическому кругу».

Известно, что шахматы ведут свою родословную от индийской игры *чатуранга*, возникшей, как принято считать, не позднее V века н. э. В игре участвовали четыре человека, у каждого было четыре «рода войск»: слоны, кони, боевые колесницы и пехота. Цель – уничтожение фигур противника. Но вот принципиальный нюанс: движение фигур в чатуранге определялось броском игральной кости! А значит, задача играющего заключалась не только в том, чтобы одолеть противника, но и в противодействии року, в победе над «волей случая». В известном смысле то же самое подразумевает «И-Цзин».

Но оставим противоречия общепринятой истории шахмат и обратим внимание на любопытные совпадения. Одно из них уже найдено: присутствие «руки судьбы» в древнейшем предке шахмат – чатуранге. Распространившись на территории Азии, чатуранга преобразовалась в *шатрандж*, где игроков уже было двое, а главное – из многих вариантов досок остался один, сохранившийся и в современных шахматах: 64 (!) *черных* и *белых* (!) клетки. В игре вместо четырех стало участвовать *шесть* (!) видов фигур: король, ферзь, ладья, конь, слон и пешка. Совпадение тут не только с количеством черт в гексаграмме. В старину и ладья, и слон, и конь, и пешка на шахматной доске изображали людей, занимавших разное положение в обществе и армии; король и ферзь говорят сами за себя. Аналогичная символика отдельных черт по их позиции в гексаграмме с древних времен существует и в гадательной практике и-цзинистов: первая (нижняя, начальная) черта – «простолудин», вторая – «служилый», третья – «вельможа», четвертая – «придворный», пятая – «царь», шестая (верхняя) – «совершенный человек»¹.

Кстати заметим, что символика *ян* и *инь* присутствует в шахматах в виде как черных и белых полей доски, так и черных и белых фигур; причем и здесь силы *ян* и *инь*, противо-

¹ Гексаграммы вопреки нормам китайской письменности составляются снизу вверх, соответственно и счет в них начинается снизу.

борствуя, порой взаимодействуют и переходят одна в другую: король может найти убежище за пешкой противника и получить мат, будучи зажатым своими фигурами.

И еще одна интересная подробность. В эпоху шатранджа партия обычно начиналась не как теперь, а с готовой дебютной позиции, называвшейся *табией*. Известный английский историк шахмат Гарольд Джеймс Расвин Мэррей (1868–1955) собрал все дошедшие до нас варианты табий, их оказалось 31. И он сам, и его коллеги в разных странах объясняли и объясняют существование табий в шатрандже крайне медлительным характером дебютной стадии: на развитие всех фигур требовалось от 8 до 20 ходов. Однако не стало ли такое объяснение общепринятым просто за неимением другого? Ведь если (в порядке гипотезы) «приложить» к шатранджу «И-Цзин», то сам собой напрашивается вопрос: не являлись ли табии специально разработанными позициями – аналогами гексаграмм, моделировавшими разные жизненные ситуации, дальнейшее развитие которых зависело от игрока?

Сколько всего было табий, до сих пор не известно. Известно лишь число *сохранившихся* – 31. Но сколько их было изначально? 35? 50? Тогда почему не 64?! Разумеется, подобные предположения основаны всего лишь на совпадениях, но – не слишком ли их много?

Если не слишком, то напомним еще одно. В 629 году китайский ученый-монах Сюань Цзан отправился в Индию за буддийскими книгами (сутрами) с целью перевести их на родной язык. Факт зафиксирован хрониками. Здесь важны два существенных момента. Ученым в те времена в Китае мог считаться лишь тот, кто основательно овладел содержанием и духом «канонических книг», первой же в их ряду стоял «И-Цзин». Кроме того, Сюань Цзан отправился в Индию с четко определенной целью, а значит, связи между учеными двух стран существовали и раньше. Таким образом, практически несомненно, что «Книга перемен» еще до VII века была известна в Индии и, наверняка, в других государствах Центральной Азии. А это то самое время, когда на смену чатуранге приходит шатрандж!

На «странности» шахматной игры в разные века обращали внимание многие люди, в том числе выдающиеся и великие. Фирдоуси в поэме «Шахнаме» излагает легенду о том, как после смерти отца царевичи Гав и Талханд затеяли междоусобицу и как в разгар битвы Талханд умер на спине своего слона. Чтобы поведать матери, как умер один из ее сыновей, не будучи побежденным в бою, мудрецы изобрели шахматы. Это не первый, но достаточно ясный намек на то, что изначальная задача шахмат – передавать жизненные коллизии.

Лессинг однажды заявил, что *«шахматы – слишком игра для науки и слишком наука для игры»*. Бенджамин Франклин в очерке «Нравственность игры в шахматы» указывал на таинственную взаимосвязь между шахматами и жизнью, а Мигель Сервантес высказался еще определеннее: *«Жизнь – это шахматная партия»*.

Крупнейший русский мастер первой половины XIX века А. Петров отмечал, что *«шахматную игру часто уподобляли жизни человеческой, и сравнение шахмат с людьми создавало некогда обширное поле к нравственной деятельности»*.

Однако наиболее близко к тому, на что, приводя все эти цитаты, намекает автор, подошел известный русский драматург Леонид Зорин. «...*Меня всегда мучил вопрос: какова все-таки руководящая идея, заключенная в этой игре? – писал он. – Да и игра ли это? Должно же быть некоторое высшее назначение в этом великом изобретении?..*» Не в том ли изначальная и руководящая идея шахмат, *«что они являют собой гениально созданную модель жизни с ее вечной борьбой, с ее взлетами и падениями, с частой необходимостью все начинать сначала, упав, подняться и идти дальше?..»*

В высшей степени закономерным представляется, что именно драматург высказывает подобное предположение об изначальной идее, главном предназначении шахмат. Ведь если, по Дюле Хернади, «И-Цзин» создан для того, чтобы заставить заговорить «дневник жизни», записанный на «свитках» молекул ДНК, то не предписывалось ли шахматам инсценировать

тот же самый «дневник» и стать зримой, действующей «моделью жизни», моделью, построенной по «чертежам», содержащимся в таинственной китайской «Книге перемен»?

Мудрость

... Часто мы только в старости сознательно узнаем то, что бессознательно так хорошо знали в детстве.

Л. Н. Толстой

Древнейшие времена – пора раннего детства человечества, когда в сказки верилось больше, чем в были, когда поступки диктовались скорее природными потребностями, чем разумом, и когда разум был еще чист и свободен, поскольку не знал тех дальних и ближних границ, которые впоследствии установил сам себе. Мы в принципе знаем об этом парадоксе эволюции нашего разума, но часто забываем о нем, путешествуя по Истории. С нашей современной техникой мышления, отягощенной всевозможными внешними и внутренними табу, мы погружаемся в тот или иной век и оттуда начинаем восхождение к веку нынешнему. Но кто нам сказал, что история развивается снизу вверх? Где они, эти «верх» и «низ» во Вселенной? Чисто условные, нами же установленные и нас же вводящие в заблуждение понятия.

«Путь в прошлое так же беспределен, как и в будущее», – писал академик Б. А. Рыбаков, и поставленный им знак равенства едва ли можно заменить каким-то другим. Впрочем, правомерно утверждать и то, что пути эти в равной мере предельны. Ведь если примерно пять миллиардов лет назад Солнечная система сформировалась в том виде, в каком мы знаем ее теперь, то, как утверждают ученые, еще через пять миллиардов лет, когда Солнце истощит запасы водорода и его структура начнет изменяться, все вновь смешается и в нашем непрочном доме. В известном смысле мы сейчас на вершине горы, откуда любая дорога ведет к подножию. Но можно представить и по-другому: человечество в данный момент – акробат на проволоке, находящийся в середине пути, где точка, еще хранящая тепло его предыдущего шага, и та, на которую он только намерен ступить, одинаково выше его нынешней точки опоры.

Всякое сравнение хромает, однако второе хотя бы лишено хронологического шовинизма, поскольку утверждает: прошлое и будущее всегда и во всех отношениях богаче настоящего. Правда, если о будущем можно только гадать, то о прошлом мы кое-что знаем.

Относительно многое известно и о древнейшем прошлом Китая, где были сделаны удивительные для тех времен изобретения и открытия. Уже во втором тысячелетии до н. э. в бассейне реки Хуанхэ были известны техника выплавки бронзы, гончарное ремесло, производство керамики, прядение и ткачество. В 105 году в Китае появились первые образцы бумаги, а в VII–VIII веках зародилось книгопечатание. Во времена легендарных правителей Фу Си и Хуан-ди (соответственно в XXIX–XXVIII и XXVI–XXV веках до н. э.) были изобретены рыболовные и охотничьи снасти, компас, циркуль, многие виды оружия, применявшиеся и в Средневековье. Но особенно примечательны открытия и достижения древних китайцев в области астрономии и медицины. Как свидетельствуют исторические документы, в третьем тысячелетии до н. э., а точнее – даже во второй его половине, в Китае велись систематические наблюдения Солнца и Луны, звезд и метеоров. Все это – с применением математических методов. В результате таких наблюдений была определена продолжительность года в 365 и $\frac{1}{4}$ суток. В 350 году до н. э. в Китае был составлен первый в мире звездный каталог, содержащий сведения о положении сотен звезд и созвездий.

Сравнительно недавно в европейских странах приобрело большую популярность лечение болезней с помощью иглоукалывания. Изобретен этот метод около пяти тысячелетий назад все тем же Фу Си, причем не только изобретен, но и достаточно подробно разработан.

Подытоживая многочисленные труды по классической иглотерапии, современный китайский исследователь Хо Цзин-ю пришел к заключению, что каналы с точками представ-

ляют совместно функционирующие кровеносные сосуды и нервы. При этом он различает *шесть* (!) основных нервов («положительных каналов») и *шесть* (!) сосудов («отрицательных каналов»). Это полностью совпадает с мнением первых «иглотерапевтов», что деятельность организма, как и все сущее, опирается на единство и противоположность систем *ян* и *инь*. Правда, обнаружить, «пощупать» эти системы, или каналы, в организме пока еще никому не удавалось, поэтому их существование активно не признают теоретики, зато признают врачи-практики. К тому же результаты лечения иглоукалыванием в странах Востока, где подбирают точки воздействия по каналам, значительно более высоки, чем в странах Запада, где в принцип каналов, то бишь в принцип *ян-инь*, не верят, а подбирают точки, исходя из опыта и интуиции.

Можно было бы привести еще много примеров поистине гениальных открытий и изобретений, сделанных в древности, которые мы сегодня с успехом применяем в самых разных областях жизни, но сути которых так до сих пор толком не знаем или только думаем, что знаем. И вот что примечательно: чем загадочнее, таинственнее, невероятнее предмет или явление, тем больше у него даже чисто внешних признаков связи с «И-Цзин» – этим изобретением изобретений, этой загадкой загадок, тайной тайн.

Но, видимо, долго еще оставаться непонятой и непонятной этой великой книге, если и впредь представители официальных наук будут считать ее недостойной внимания, если и впредь «местом прописки» истины человечество будет считать исключительно настоящее.

Гадание

Ни один народ не поработен в такой степени страхом неизвестности, как китайский. И никто не прибегает столь часто к таким средствам, которые бы удостоверили, будет ли успешно осуществлено задуманное...

Сэмюэл Уильямс (1812–1884)

Так писал во второй половине XIX века известный американский китаевед. Категоричность его утверждения – «ни один народ...» – спорна, но лишь отчасти: ведь действительно ни один народ на протяжении стольких веков не обладал такой цельной гадательной системой, как «И-Цзин», являвшейся одновременно и классическим литературным и философским памятником. Когда в 221 году до н. э. китайский император Цинь Шихуан-ди устроил первое в мировой истории сожжение книг и массовую расправу над конфуцианцами, «И-Цзин» оказалась единственной книгой с комментариями Конфуция, для которой было сделано исключение: императору и его чиновникам она была нужна для предсказания будущего и руководства в текущей политике.

О принципиальном отличии «И-Цзин» от всех других гадательных систем выше уже говорилось. Пора рассказать о том, как же именно гадали по нему в древнем Китае.

Множество случаев гадания по «И-Цзин» отмечено уже в древнейших китайских рукописях, и значение уникальной гадательной книги сохранилось за ним до нашего времени. В летописном комментарии «Цзо-чжуань», где описываются события начиная с 722 года до н. э., приводится шестнадцать случаев гадания по «Книге перемен» – о «судьбе молодого сына» и о «служебной карьере», об успехе военного похода и о браке дочери, «о стратегическом плане в трудном бою» и об интимных делах. Гадали в основном представители знати, причем поначалу не сами, а пользуясь услугами одного или нескольких гадателей-«профессионалов». Лишь много позднее, когда знатность и образованность чаще сочетались в одном лице, гадать стали без посторонней помощи.

«Благородные люди в периоды бездействия рассматривали ее [„Книгу перемен“] философски, чтобы критически оценить свое личное поведение, – писал Ито Дзэнсё, – а в периоды деятельности гадали по ней, чтобы разрешить сомнительные вопросы».

Сам Конфуций признавался: *«Если бы мне прибавили несколько лет жизни, то еще пятьдесят лет я стал бы заниматься „Книгой перемен“ и у меня не было бы крупных ошибок».*

В процессе гадания по «И-Цзин» исходили из того, что каждая гексаграмма символизирует ту или иную жизненную ситуацию, которая развертывается во времени, а каждый афоризм при гексаграмме вкратце характеризует тот или иной этап в развитии данной ситуации.

Язык и техника мышления авторов «И-Цзин» не допускали выражения этих характеристик в форме точных понятий. *«Стихия „Книги перемен“, – отмечал Ю. К. Щуцкий, – стихия образности».* Вместо того чтобы просто сказать, что для чего-либо нужны коллективные действия, авторы писали: *«Когда рвут тростник, другие стебли тянутся за ним, так как он растет пучком».* Предупреждая о тщетности предпринятого действия, «И-Цзин» говорит: *«Ничтожному человеку придется быть мощным; благородному человеку придется погибнуть. Стойкость ужасна. Когда козел бодает изгородь, в ней застревают его рога».*

Но есть в основном тексте «Книги перемен» и достаточно ясные образные формулы для часто встречающихся характеристик и предсказаний. Например: *«Благоприятен брод через великую реку»*, то есть ситуация благоприятствует крупному, решительному поступку.

Или: «*Благоприятна встреча с великим человеком*», что означает указание на возможную помощь со стороны влиятельного лица или мудреца.

Афоризмы, относящиеся к отдельным чертам гексаграмм, повествуют о последовательном развитии ситуации.

Первая позиция (нижняя черта) описывает лишь зарождение ситуации, когда характер ее еще окончательно не определился. Вторая позиция характеризует апогей внутреннего развития ситуации. Третья – кризисный момент перехода ситуации от внутреннего качества к внешнему. Четвертая – начало проявления внутреннего процесса вовне. Пятая – максимальное раскрытие ситуации вовне. Шестая (верхняя) черта знаменует завершение развития ситуации или ее так называемое перерождение, когда она готова перейти в свою противоположность.

В нашу задачу не входит приводить здесь все три слоя основного текста «И-Цзин». На это потребовались бы десятки страниц, которые только отпугнули бы неподготовленного читателя запутанностью формулировок. Поэтому здесь мы ограничимся лишь необходимым для гадания описанием структуры «Книги перемен», принципами анализа гексаграмм и их толкованиями. Это ни в коей мере не обеднит тех, кого интересует гадательная и философская сторона «И-Цзин».

Так или иначе, накопленная в Китае, Японии и других странах огромная библиотека литературы, посвященной гаданию по «И-Цзин», настолько далеко ушла от первоисточника (на русском языке таковым является книга Ю. К. Щуцкого «Китайская классическая Книга перемен»), что тот сегодня пребывает как бы сам по себе. Техника же гадания несколько не изменилась.

Гексаграммы в процессе гадания получают двумя традиционными способами. В древности пользовались стеблями тысячелистника, что выливалось в довольно сложную и продолжительную процедуру. С появлением металлических денег для гадания стали использовать три монеты, что значительно упростило задачу.

Примечательно, что латинское слово «moneta» в переводе означает «советница» и происходит от одного корня со словом «мантия», в переводе с греческого означающем «шерстяной плащ», в какие с давних времен и по сей день во многих странах облачаются судьи, прокуроры и адвокаты, от которых зависит судьба представших перед судом людей.

В старину монеты в Китае имели надпись с одной стороны и гладкую поверхность с другой. Соответственно, гладкая сторона считалась представляющей силу *ян*, а сторона с надписью – силу *инь*. У современных, так называемых двусторонних монет стороной *ян* считается та, которая определяет ее государственную принадлежность (аверс), а стороной *инь* – та, где указано ее денежное достоинство (реверс). Применительно к России, сила *ян* отождествляется с «орлом», а *инь* – с «решкой».

«Сеанс» начинается с того, что вы мысленно формулируете вопрос, который в данный момент занимает вас больше всего и ответа на который вы ждете от «И-Цзин». Затем поочередно или вместе подбрасываете три монеты; это надо проделать шесть раз, чтобы получить шесть черт и составить гексаграмму. Если две или все три монеты легли вверх «орлом», проведите на бумаге сплошную черту; если две или три упали вверх «решкой» – рисуйте прерывистую. Черты располагаются одна над другой, *начиная снизу*. После того как гексаграмма составлена, следует отыскать ее номер в таблице (для удобства она помещена в конце книги). Для этого разделите гексаграмму пополам и найдите верхнюю часть среди триграмм, размещенных по горизонтали, а нижнюю – по вертикали. В точке пересечения – номер выпавшей вам гексаграммы. Теперь остается лишь заглянуть в относящийся к ней пояснительный текст-толкование.

Те из читателей, кто помнит ранний вариант этой книги, первоначально напечатанный в марте 1988 года в журнале «В мире книг», а в начале 1990-х годов изданный кооперативами

в виде брошюры общим тиражом более 1,2 млн экземпляров, будут приятно удивлены приведенными ниже толкованиями. Они не просто дополнены, а переработаны самым коренным образом и отныне основаны в первую очередь на английском переводе Рихарда Вильгельма, выполненном Кэри Ф. Бэйнс, но не только на нем.

За последние двадцать лет появились новые переводы «И-Цзин» на английский и французский языки, многие из которых привлекают как высоким качеством, так и более понятным современному читателю изложением содержания древних текстов. После долгих сомнений и проб автор решился на эксперимент – синтезировать в толкованиях каждой гексаграммы и переходной черты лучшие, на его взгляд, переводы. На эту работу ушло несколько лет, зато теперь, когда она закончена, автор может с уверенностью сказать, что приведенный ниже совершенно оригинальный вариант «Книги перемен», сохраняя гадательные качества и философскую глубину древних текстов, максимально ясен и доступен неподготовленному читателю.

Практические советы

Напоследок несколько уточнений и рекомендаций.

Толкования гексаграмм в «И-Цзин» относятся не к сиюминутной ситуации на момент гадания, а к переживаемому вами периоду примерной продолжительностью от трех до шести месяцев, включающему момент гадания, но не ограниченному им.

Черта считается *переходной*, если все три монеты легли вверх либо «орлом», либо «решкой». Это значит, что черта достигла в своем развитии максимума и вот-вот перейдет в свою противоположность. Однако это еще не произошло, и переходные черты действительно важны лишь в том случае, если вы задаете один и тот же вопрос достаточно редко, не чаще двух или трех раз в год. Нетерпение здесь может оказать медвежью услугу: одно приращение наложится на другое, и получить ясный ответ не удастся.

В отдельных случаях может показаться, что выпавшая вам гексаграмма не соответствует ситуации, какой вы ее себе представляете. Если такое случится, не спешите с выводами – через некоторое время (день, два, неделю) вы с удивлением заметите, что толкование все-таки относится к вам, разве что оно несколько опередило события или, что еще вероятнее, вашу осведомленность о них. Ценность «И-Цзин» как гадательной книги в конечном счете и заключается в ее способности заглянуть вперед.

При гадании по «И-Цзин» не следует задавать один и тот же вопрос повторно, даже если ответом вы не удовлетворены.

Если вам выпала гексаграмма под номером 3, 29, 39 или 47, ни в коем случае не расстраивайтесь, а задумайтесь: описанная ситуация – это то, что случится, если вы не последуете изложенным рекомендациям, дающим вам шанс изменить ее к лучшему.

При чтении толкований важно иметь в виду, что перед вами не недельный гороскоп в гламурном журнале, который достаточно прочесть вскользь. Вдумайтесь в каждую фразу и каждое слово. Все они тщательно выверены, никогда не случайны и почти всегда многозначны. Прочитав тот же самый текст через день или через неделю, вы наверняка проникнете в него глубже и заметите что-то «новое», на что не обратили внимания при первом чтении.

У вас может возникнуть естественный вопрос: каким образом с помощью случайно взятых монет, брошенных вслепую и упавших в случайной комбинации «орлов» и «решек», можно «угадать» совершенно конкретную ситуацию, в которой находится совершенно конкретный человек, и предсказать его будущее?

Прежде чем ответить, еще одна рекомендация: *перед первым броском обязательно подержите монеты между ладонями несколько минут*. Это важно вот почему.

Все сущее состоит из вибрирующей энергии. Даже у самого твердого камня «внутри» нет ничего, кроме энергии, вибрирующей на определенных частотах. То же самое можно сказать как о любом предмете, так и о человеческом теле, разуме и даже эмоциях. Исключений нет, во всяком случае в этой реальности.

Монета – тоже энергия с присущими ей одной частотами. Подержать монеты в ладонях нужно для установления контакта между вашим энергетическим полем и энергетическими полями монет. Ваше энергетическое поле содержит информацию не только о том, что происходит с вами в данный момент, но и о возможном и вероятном развитии ситуации в зависимости от вашего ментального и эмоционального состояния.

Будущего как такового нет, в каждый данный момент есть только его *потенциал*, распознать который можно разными методами, в том числе с помощью монет, рунических камней или карт Таро.

Вступив в контакт с вашим энергетическим полем, монеты начинают вибрировать в резонанс с соответствующими частотами в вашей ауре. Английский писатель Дэвид Аик

называет это «вибрационным магнетизмом». То, какими сторонами лягут монеты, определяется их энергетическими связями с вашей аурой *еще до броска*. Комбинация брошенных монет представляет собой своего рода «портрет» вашего энергетического поля. Поэтому выходит, что о вашей ситуации и о вашем будущем «И-Цзин» рассказывают даже не монеты, а... вы сами.

Та или иная комбинация монет выпадает вам не случайно, а потому, что она лучше всего резонирует с вашим энергетическим полем. Это поле содержит огромный объем самой разноплановой информации о вас и об окружающем вас мире, которую необходимо «просеять», оставив лишь то, что нужно для ответа на заданный вами вопрос. Этой цели и служат монеты.

Надеюсь, что это краткое объяснение даст вам достаточное представление о силах, участвующих в процессе построения гексаграмм, и о вполне солидной основе гадания по «Книге перемен».

Гексаграммы

1. Цянь/Творчество

НЕБО СВЕРХУ

НЕБО СНИЗУ

Благоприятна стойкость.

Значение

Шесть сплошных черт данной гексаграммы символизируют первоосновную творческую силу Вселенной и ее благотворную энергию, которые сейчас содействуют вам. Добросовестно следуйте праведным принципам, и вам обеспечен решительный прогресс в делах.

Шесть сплошных черт означают и максимальную активность космической силы *ян* (мужского начала) как в нашем внутреннем мире, так и во внешнем. Во внешней деятельности она обеспечит успех великим начинаниям, а в часы покоя будет содействовать укреплению воли и самосовершенствованию. Сила *ян* привносит в жизнь смысл, искру творчества, указывает верный путь. Без нее мы владели бы жалкое существование, блуждая в потемках.

Сейчас не время активности. Успокойтесь, прислушайтесь к голосу интуиции и предоставьте ей направлять ваши действия.

Приглядитесь к себе: не мелочны ли ваши теперешние стремления, не слишком ли вы порабощены дурными привычками? Отбросьте прочь и то и другое, освободив пространство для развития ваших лучших качеств, которые неизбежно приведут вас к крупному успеху.

Будьте терпимы, сдержанны, благожелательны и отзывчивы в общении с окружающими. В любой ситуации идите людям навстречу. Обостренное чувство справедливости в данный период вознаградится особенно щедро.

Для силы *ян* характерны напористость и твердость. Однако не следует слишком усердствовать в том и другом. Помните ключевой принцип «И-Цзин»: любое качество или явление, доведенное до крайности, превращается в свою противоположность.

Мужское начало *ян* способно поднять вас к вершинам творчества, власти и славы, но без уравновешивающего присутствия женского начала *инь* оно неизбежно и скоро столкнет вас вниз, превратив в одностороннего, самодовольного и душевно черствого. Виной в этом случае будут не излишние мягкость, осторожность и совестливость, как ошибочно полагают многие, а как раз отсутствие этих качеств.

Переходные черты

1. Время действовать еще не пришло. Надо готовиться и терпеливо ждать. Целесообразно посвятить этот период покоя самосовершенствованию и наведению порядка в делах.

2. После периода относительной пассивности настало время приступать к делу, используя лучшие качества характера и неотступно следуя собственным целям и принципам. Усилия вознаграждаются. Ищите совета или содействия старшего или влиятельного лица. Благоприятны скромность и взаимодействие с другими.

3. Усердный труд для достижения намеченной цели и постоянная готовность к изменению обстановки. Взвешенность действий и слов. Быть выше сплетен и остерегаться чрезмерных амбиций. Грозная опасность не причинит вреда.

4. Распутье. Идти дальше или остановиться? Нет общего ответа для всех. Каждый выбирает то, что советует внутренний голос.

5. Благоприятна встреча с влиятельным человеком, который оценит ваши способности и окажет помощь. Ваша собственная влияние растет, и люди, близкие вам по духу, тянутся к вам. Храните верность избранной цели и внутренним принципам, даже если окажетесь в одиночестве.

6. Достигнув больших высот, остерегайтесь потерять чувство реальности. Высокомерие, черствость, неумеренность в действиях и самооценке ведут к отчуждению от людей и неизбежному краху. Прислушайтесь к мнению других.

Если в выпавшей гексаграмме все черты *яи* переходные, это свидетельствует о гармоничности ситуации. Период счастья и особенно крупных удач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.